

Demjankov V. (2004) *Plenitel'Plenitel'naya krasota* // Logicheskij analiz yazyka. YAzyki ehstetiki: Konceptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo. Moscow: Indrik, p. 169-209.

Katermina V. (2002) *Ideograficheskij slovar' slovesnoj i frazeologicheskoy nominacii (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov)*. Krasnodar: KubGU, p. 119

Kon I. (1980) *Druzhba: Etiko-psihologicheskij ocherk*. Moscow: Politizdat, p. 255.

Kovshova M. (2002) *Idioma kak kul'turnyj tekst: opyt medlennogo chteniya* // Frazeologiya i miroponimanie naroda. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Frazeologicheskaya kartina mira. Tula: TPGU im. L.N. Tolstogo, p. 143.

For citation:

Andryuchshenko, O. (2019) PRESENTATION OF THE CONCEPT OF "BEAUTY" IN THE RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGY // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). p.28-31. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-28-31>

Для цитирования:

Андрющенко, О. (2019) ПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «КРАСОТА» В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists " WEST-EAST " (ISPOP) . Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 28-31. doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-28-31>

Information about the author: Olga Andryuchshenko - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

e-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru

Сведения об авторе: Ольга Андрющенко - кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар, Казахстан

e-mail: olga_pav_pgpi@mail.ru

Manuscript received: 05/20/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-31-36>

**RUSSIAN AND CZECH PERSONAL AND POSSESSIVE THE 1ST AND 2ND
PERSON PRONOUNS IN THE LIGHT OF CONTRASTIVE LINGUO-CULTUROLOGY**

Irina Graneva

Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer

National Research Lobachevsky State University

of Nizhni Novgorod

(Nizhni Novgorod, Russia)

e-mail: irina.graneva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to contrastive linguo-culturological analysis of Russian and Czech personal and possessive the 1st and 2nd person pronouns as components of phraseological units in terms of expressing culturally-important meanings. The purpose of the study is to consider linguo-cultural similarities and distinctions in ways of phraseological representations of the whole complex of nationally conditioned senses correlated with especial marking, selecting of the circle, the world of "mine, our own" and its opposition to "aliens", conceptual antinomy of my, our values and the others' ones. The methods of the communicative-pragmatic analysis, cognitive analysis of the "language of culture," referential analysis, conceptual analysis, functional-stylistic analysis of phraseological units are used. It is proved that the analyzed Russian pronouns in phraseological units express a complex of national cultural-value meanings associated with particular prominence of the world of "our own" (circle "ours") and its opposition to "other" to a greater degree than Czech ones.

Keywords: personal and possessive pronouns; phraseological units; contrastive linguoculturology; Russian language; Czech language

РУССКИЕ И ЧЕШСКИЕ ЛИЧНЫЕ И ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ I И II ЛИЦА В СВЕТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Ирина Юрьевна Гранева
Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)
e-mail: irina.graneva@mail.ru

Аннотация: В работе освещаются возможности русских личных и притяжательных местоимений *мы, вы, наш, ваш* и их чешских соответствий, которые выступают в особых типах нереперентных употреблений в составе фразеологизмов и коллокаций (при выражении культурно значимой информации). Цель исследования — рассмотреть лингвокультурные сходства и различия в способах фразеологической репрезентации русскими и чешскими личными и притяжательными местоимениями I и II лица целого комплекса национально обусловленных смыслов, связанных с особой выделенностью мира своих, круга «наших» и его противопоставленности «чужим», концептуальной оппозиции ценностей «своего мира» и «мира чужого». Используются методы коммуникативно-прагматического анализа, когнитивного анализа «языка культуры», референтного анализа, концептуального анализа, функционально-стилистического анализа фразеологических единиц.

Ключевые слова: личные и притяжательные местоимения; фразеологизмы; контрастивная лингвокультурология; русский язык; чешский язык

ВВЕДЕНИЕ. Статья посвящена возможности русских личных и притяжательных местоимений *мы, вы, наш, ваш* и их чешских соответствий, выступающих в особых типах нереперентных употреблений в составе фразеологизмов и коллокаций при выражении культурно значимой информации.

Особую роль в выражении национально-культурной специфики взгляда на мир, отраженного через призму этнического языка, играет фразеологический фонд языка, что доказано в пионерских работах В.Н. Телия, М.Л. Ковшовой (Teliya 1996; Kovshova 2013) и др.

В составе фразеологизмов и фразеологизованных вводных и служебных слов интересующие нас местоимения I и II лица утрачивают свою первичную референтную функцию маркировать непосредственных участников коммуникации и становятся выразителями культурно значимой семантики в плане национально обусловленных речевых стратегий носителей языка. В процессах фразеологизации местоимение не только утрачивает дейктическую функцию, но и вообще перестает быть самостоятельной лексической единицей, становясь выразителем особого типа значения — фразеологического, которое по природе своей отличается экспрессивно-оценочным потенциалом и повышенной способностью выражать культурно значимые смыслы.

Каждое из указанных местоимений уже и до стадии фразеологизации отличается особой культурной маркированностью, потому что ориентировано на выражение ценностных ориентиров и идеологических приоритетов для носителей языка: тем в большей степени этот потенциал реализуется, когда эти единицы, как раз в силу своей значимости для говорящих, и закрепляются в языковых клише и устойчивых выражений. При этом на возможности местоимений участвовать в выражении культурно значимой информации существенно влияют системные свойства грамматики сравниваемых языков и особенности моделей употребления устойчивых выражений в узусе: даже такие сходные в генетическом смысле славянские языки, как русский и чешский, обнаруживают существенное своеобразие в использовании личных и притяжательных местоимений в плане выражения интересующего нас культурного потенциала.

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ. Наше исследование связано с весьма востребованными в современной парадигме лингвистического знания идеями в области сопоставительного лингвокультурологического изучения фразеологизмов через призму национально-культурной специфики. Это направление активизировалось в отечественной лингвистике в 80-е–90-е гг. XX в. — см., например, работы Н.Ю. Пятницкой (Pyatnitskaya 1987), Д.О. Добровольского (Dobrovolskiy 1997) и др. Современное состояние вопроса отражено в диссертации Г. К. Гизатовой «Структурно-типологический подход к сопоставительному исследованию фразеологии» (Gizatova 2010) и обобщено в обзорной статье Т.Н. Федулэнковой и И. В. Бечиной «Современные направления в изучении фразеологии» (Fedulenkova, Vechina 2011).

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА, МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ. Теоретической основой исследования являются методологические положения А. Вежбицкой об описании культуры через посредство естественного языка (Wierzbicka 1997), идеи лингвокультурологического описания фразеологизмов, заложенные в трудах В.Н. Телия и ее научной школы (Teliya 1996), принципы языковой концептуализации мира, изложенные в работах (Aprésyan 1995; Radbil 2016).

Методы исследования определяются общими методологическими принципами, согласно которым к анализу семантики и функций местоимений как единиц дейктического типа необходимо привлекать коммуникативно-прагматический подход. В числе методов, использованных в данной работе, также следует назвать метод когнитивного анализа «языка культуры» (Wierzbicka 1997), метод логического анализа языка (референциальный анализ) (Paducheva 1985) и метод функционально-стилистического анализа семантики фразеологизмов (Teliya 1996).

Материалы исследования — данные русских и чешских толковых и фразеологических словарей, а также результаты нашего собственного Интернет-мониторинга языковых данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

1. Личные и притяжательные местоимения I лица единственного числа

Местоимения Я и МОЙ в составе русских устойчивых сочетаний и фразеологизованных конструкций выражают целый комплекс национально обусловленных культурно ценностных смыслов, связанных с особой выделенностью позиции говорящего, с особой значимостью его мира.

Так, местоимение Я используется в разговорной речи как неосознанное мерило ценностей, как критерий значимости явлений окружающего мира — ср., например, *по мне* — т.е. по моему мнению, на мой взгляд, на мой вкус. Этот ценностный стереотип выражен в междометных употреблении выражений, включающих в состав косвенные падежные формы Я: *Уж этот (это, эти) мне кто-, что-либо* — ср., например: *Ох уж эта мне работа!*

Падежные формы от Я, входя в состав фразеологизмов, участвуют в самых разных аспектах выражения позиции говорящего по отношению к миру: *Будет с меня* — в значении достаточности чего-либо с позиции говорящего; *Будь / не будь я тем-то или такой-то* — в значении гипотетической возможности относиться или вести себя в соответствии с нормами, устанавливаемыми опять же говорящим. В просторечном употреблении также есть фразеологизм *Я не я (лошадь не моя)* — в значении 'ничего не знаю, не имею никакого отношения к чему-либо', который выражает идею активного эмоционального нежелания признавать свою ответственность за что-либо. В чешском языке сходный культурный смысл выражается коллокацией *Mě se to netýká* 'Я тут ни при чём', причем в связи со спецификой чешской грамматики субъект здесь передается косвенным падежом — *me* (= мне).

Идею особой значимости мира говорящего, его системы ценностей выражают и фразеологизмы с компонентом МОЙ. Притяжательность как семантический компонент данного местоимения усиливает возможность выражения значимости своего Я, своего мира, в противовес чужому. Все, что так или иначе соотносится с моими ценностями, привычками, интересами и пристрастиями, выступает как позитивно-оцениваемое явление, и эта культурная установка отражается в фразеологизмах с местоимением МОЙ. Эта идея ярко эксплицируется в фразеологизме: *Человек моего / не моего круга*. Показательным в этом плане является и фразеологизм *Моя взяла* в значении 'Я победила (победила), одержал (одержала) верх' или *Все вышло по-моему!* В свою очередь, устойчивые выражения *В мои годы, в мое время* не просто констатируют временной промежуток, о котором идет речь, но выражают позитивное ценностно-заинтересованное отношение к этому промежутку. Аналогично — эмоционально-экспрессивное восклицание *Моя работа!*

Фразеологизмы с компонентом МОЙ также демонстрируют, что человеческое «Я» является естественным центром мира и критерием ценностей: *Поживи с моё!* не просто выражает пожелание прожить столько же, сколько я, но и утверждает значимость, безусловную ценность собственной жизни, собственного опыта, в сравнении с собеседником. Аналогично — в фразеологизме *До моего (дожить, дотянуть и т. п.) 'до моих лет'*. Эмоциональное вовлечение в «свой круг» какого-л. другого лица выражают ласкательные устойчивые сочетания по модели *Мой свет, / мое золотице, мой мальчик* и пр. Похожие явления мы наблюдаем и в чешском языке — ср., например: *Ty moje sluníčko!* (= Ты мое солнышко).

Безусловная культурная ценность идеи МОЕГО обуславливает образование эмоционально-экспрессивных этикетных форм типа *Мое почтение / Má úcta!*, или междометий, выражающих самый разный спектр значений: *Боже мой! / Мой бог!* В этих типах употребления обнаруживаются почти полные русские и чешские параллели — ср. чешские *Má úcta!*, (*Má poklona!* (= Мое почтение) или *Bože můj! / Můj ty bože!* (= Боже мой! / Мой бог!).

2. Личные и притяжательные местоимения II лица единственного числа

Другую сторону «русского мира ценностей», связанную с установкой на повышенную эмоциональность общения, на душевность, не предпочтение неформальности и неофициальности коммуникации, на эмпатию по отношению к другому, отражена в фразеологизмах с местоимениями ТЫ и ТВОЙ.

Не случайно именно местоимение ТЫ выступает мерилом перехода к высокой степени неформальности отношений в фразеологизмах: *Быть, переходить* и т. п. *на ты с кем-либо, говорить ты кому-либо*. Эту же культурную ценность «русского мира» выражает устойчивое выражение *Выпить, пить на ты с кем-либо* — в значении 'закрепить дружбу, добрые отношения особым застольным обрядом, после которого обращаются друг к другу на «ты»; то же, что выпить, пить и т. п. на брудершафт'.

ТЫ также широко присутствует в разного рода междометийных конструкциях с неопределенным эмоционально-экспрессивным значением: *Ах / ух ты!* — восклицание, выражающее удивление, испуг, радость и т.п. У этой коллокации имеется чешский эквивалент *Ty brd'o!* Во всех вышеуказанных случаях эксплуатируется так называемое «обобщенно-личное» ТЫ, которое маркирует расширение позиции адресата до неопределенно большого круга людей, включая и говорящего, как Я.

С другой стороны, местоимения ТЫ и ТВОЙ естественным образом участвуют в создании негативно-оценочных фразеологизмов, порождая фамильярно-пренебрежительные, грубые и инвективные обороты. См., например, междометные употребления: *Вот тебе (те) (и) на!* — удивление чему-то неожиданному; *Вот тебе!* — злорадство и пр.; *На тебе!* — негативная реакция на кого-л. / что-л.; *Ну тебя!* восклицание, обозначающее: отстань, отстаньте. В чешском языке в семантически и прагматически эквивалентной конструкции местоимение ТЫ закономерно исчезает, так как в чешской грамматике личное местоимение I или II лица при глагольной форме вообще вербализуется в исключительных случаях. *A tady to máš!* (дословно 'Вот ты и здесь!', где II л. ед. ч. выражено только личной глагольной формой).

В этих и других схожих случаях эксплуатируются так называемые «панибратские», или фамильярные, употребления ТЫ (и ТВОЙ), служащие для понижения статуса собеседника в целях нанесения ему коммуникативного вреда, т.е. в целях речевой агрессии — оскорбительной инвективы: *Иди ты на... , ритуальных форм божбы (клятвы): Вот те крест! — или проклятий: Чтоб тебя разорвало.... (или сокращенное — Чтоб тебя...); Чтоб тебе (те) пусто (было)!* Ср. в чешском эквиваленте *Táhni k čertu!*, где повелительное наклонение глагола употреблено опять же без местоимения II л. Чешский аналог русской междометийной коллокации *Ишь ты!* вообще передается посредством другой внутренней формы, без ТЫ: *Koukni!* (буквально — ‘Смотри!’).

3. Личные и притяжательные местоимения I лица множественного числа

Местоимение МЫ для русского мира вообще обладает повышенной культурной значимостью, потому что выражает идею «своего круга», общности людей и их единения на основе духовной близости (Stepanov 1997). Это также отражено и во фразеологизмах с местоимением МЫ. Косвенная предположно-падежная форма от МЫ выражает значимую для русских людей идею объединения людей по общности духа или по другим, существенно важным признакам. Так, выражение *у нас* означает ‘в нашей семье, в нашем доме, в нашем обществе и т. п.’. Примечательным в плане выражения ценностей является многозначное устойчивое выражение *между нами*: как наречие, оно употребляется в значении ‘в определенной среде, в узком кругу людей’, в вводном слове в сокращенном варианте или в полном (*между нами говоря*) оно употребляется при упоминании о чем-либо, что должно остаться известным лишь очень узкому кругу лиц, и наконец как предикатив — употребляется, когда речь идет о сохранности чего-л. в тайне. Нетрудно заметить, что образный потенциал МЫ как носителя идеи общности людей по культурно значимому признаку для выражения этих значений используется неслучайно.

Также МЫ в составе фразеологизмов отражает определенную коммуникативную установку на возвеличивание значимости говорящего за счет принижения собеседника, когда МЫ употребляется, согласно нашей терминологии, во вторичном референтом употреблении в значении ‘Я’ (Я как один человек условно равен по значимости многим). Эта установка проявляется в фразеологизованных моделях устойчивых сочетаний типа *Знаем мы вас* и пр.

Аналогичные возможности выражать культурно-значимую информацию в составе устойчивых выражений демонстрирует и притяжательное местоимение НАШ. Так, значимая для говорящего сфера своего мира, своего круга отражена в фразеологизме *На наших глазах* — в значении ‘На виду у нас, в настоящее время (с точки зрения говорящего лица)’, где говорящий вовлекает в круг неопределенно большого количества людей в свой кругозор, в свое поле зрения (вы, конечно, видите то же, что и я, потому что мы с вами — одно). Веру в правильность установок и действий «нашего круга» отражает шутивая поговорка *где наша не пропадала*, выражающего надежду на успех в безнадежном деле. Человек не как индивидуум, а как представитель своей группы отражен, например, в просторечной шутилой форме этикетного приветствия *Наше вам (почтение)*, в более «игривом» варианте — *Наше вам с кисточкой!* (приветствие при встрече).

Идея общности людей на основе духовной близости выражена в фразеологизме *наш парень* — в значении ‘близкий, свой, которому можно доверять’. Аналогично — в просторечном фразеологизме *Наш брат* — о человеке или группе людей, имеющих что-либо общее (с точки зрения говорящего лица). Эмоционально-экспрессивный фразеологизм *Знай наших!* — выражает гордость за поступки или действия представителей нашей общности людей. Аналогично *Наша взяла (берет)* — о том, что представители нашей группы (в социальной психологии это именуется «ингруппа», в противоположность «другим», чужим — «аутгруппе») одерживают верх в чем-л. Отметим, что чешский аналог снова исключает местоименную форму из состава фразеологизма, выражая идею I л. мн. ч. посредством глагольной формы: *máme navrch*, (буквально ‘имеем верх’, ср. русское *взяли верх*).

4. Личные и притяжательные местоимения II лица множественного числа

Фразеологические единицы, в состав которых входят местоимения ВЫ и ВАШ, по особенностям выражаемой ими культурной информации в известном смысле противопоставлены фразеологизмам с компонентами МЫ и НАШ. Об этом свидетельствуют, например, образуемые с помощью этих местоимений оппозиции типа *у вас — у нас, не наше дело — не ваше дело, ваша взяла — наша взяла, ваш брат — наш брат* и пр. Эти фразеологизмы выражают своего рода «отстройку» от чужих ценностей и предпочтений, т.е. отстранение и снижение ценностей другой, противопоставленной группы (аутгруппы, в терминологии социальной психологии) как частный случай общей архетипической аксиологической оппозиции СВОЕ — ЧУЖОЕ.

Для фразеологизмов с ВЫ на это указывают модели фразеологизованных конструкций с формой *у вас* или *к вам* в значении ‘в вашем доме, кругу, мире’ / ‘в ваш дом, круг, мир’ (вспомним знаменитое детское стихотворение, обыгрывающее это противопоставление: *А у нас в квартире газ. А у вас?*). Чешские эквиваленты опять обходятся без местоименной формы, выражая требуемое отношения глаголом: *Jste místní?* (= (вы) есть здешние?’).

Для фразеологизмов с ВАШ отстройка от чужих ценностей также проявляется в фразеологизмах *ваше дело* — ‘ваш долг, обязанность, право’ и *не ваше дело* — вас не касается, вы не должны. Ср. также выражение *ваш человек = не наш человек*. И само местоимение *ваш* в самых разнообразных контекстных окружениях очень часто употребляется в значении ‘относящийся к той же среде, как и вы, близкий вам по убеждениям, взглядам’: *Я ваш по крови*. Это также выражается в противопоставленности фразеологизмов *говорить по-вашему* и *говорить по-нашему*: это противопоставление выражает не просто культурную маркированность

собеседников по языку (*говорить по-вашему* – т.е. на другом языке), но и культурную, ценностную чужеродность (*говорить по-вашему* = *не по-нашему*, т.е. говорить непонятно, использовать чуждые, для говорящего понятия). Ср. так же *делать / поступать по-вашему* – ‘так, как вы думаете, как вы считаете нужным’.

Коллокации в роли этикетных формул типа *Ваши покорный слуга* (в заключении старинных писем), т.е. находящийся у вас в распоряжении; *весь ваши, всегда ваши* — готов помочь, оказать услугу (вежливая форма окончания письма, разговора и т.п.), а также обращения *Ваше благородие, Ваше превосходительство* означают наличие дистанции в коммуникации, официальный тон общения. В чешских вариантах местоимение, как правило, отсутствует. Например: рус. *С вáшего любéзного разрéшения* и чеш. *Když laskavě dovolíte* (буквально ‘Если любезно позволите...’).

Для фразеологизмов с ВАШ в этом плане намечаются две тенденции. С одной стороны, выражается культурная семантика почтения, уважительного отношения, а с другой стороны, наличие дистанции, официальности в общении в русской модели мира, как правило, может оцениваться потенциально негативно (как ощущение невозможности искренних, доверительных отношений и, как следствие, отсутствие духовной близости). Это проявляется в фразеологизме *воля ваша* — ‘ваше право решать что-л.’, который обычно употребляется для выражения недовольства говорящим таким положением дел, или фразеологизмах *ваш брат / ваша сестра* (в просторечии) — в прямом значении выражающие почтение ‘находящийся под вашим покровительством; касающийся вас, приятный, угодный вам’, но реально употребляющиеся в иронически-сниженном регистре, с негативно-оценочным оттенком по отношению к ситуации в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В целом русские и чешские местоимения имеют сходные модели фразеологизации, что можно объяснить определенной общностью культурно значимых представлений в славянском мире и общечеловеческой архетипической концептуализацией мира ценностей через универсальную оппозицию СВОЙ – ЧУЖОЙ. Но грамматическая система и узус в чешском языке ограничивают возможность употребления личных и притяжательных местоимений при глаголах I и II лица во избежание грамматического плеоназма. Обычно в чешском языке местоимения употребляются только тогда, когда на них падает логическое ударение, чаще всего в стилистически маркированных, эмоционально-экспрессивных конструкциях, тогда как в русском языке они используются в самых обычных, нейтральных высказываниях типа *Завтра мы пойдем в кино*.

Это значит, что местоимения в чешском языке самой системой языка ограничены в возможности выражать концептуально значимые ценностные смыслы, подвергаться лексикализации и фразеологизации, в отличие от русских. Напротив, в русском языке можно видеть значительную вариативность и крайне широкий охват самых разных ценностных представлений в переносных лексикализованных употреблениях местоимений в составе фразеологизмов. Это говорит нам о существенно большей степени культурной разработанности идей и представлений, выражаемых фразеологизмами с местоимениями Я, МЫ, ТЫ и ВЫ (и, соответственно, МОЙ, НАШ, ТВОЙ и ВАШ) в русском языке по сравнению с чешским. Об этом свидетельствует, в частности, наличие в русском языке разветвленных моделей парадигматического варьирования, в котором участвует *весь* (или почти весь «набор» местоимений: *это мое (твое, наше, ваше, не мое, не твое, не наше, не ваше) дело, твоя (наша, ваша) взяла, находится у меня (у тебя, у нас, у вас) / приходит ко мне (к тебе, к нам, к вам), делать по-моему (по-твоему, по-своему, по-нашему, по-вашему), твой (свой, наш, ваш) брат / сестра, мой (свой, твой, наш, ваш) человек* и пр.

LIST OF REFERENCES

- Apresyan, Yu.D. (1986). Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in lexis and grammar and naiv model of the world] // *Semiotika i informatika*, 28, 5–33.
- Dobrovolskiy, D.O. (1997). Natsionalno-kulturnaya spetsifika vo frazeologii [National-cultural specificity in phraseology]. *Voprosy yazykoznaniya*, 6, 37–48.
- Fedulenkova, T.N., Bечина, I.V. (2011). Sovremennyye napravleniya v izuchenii frazeologii [Contemporary trends in studies in phraseology]. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii*, 3, 203–206.
- Gizatova, G. K. (2010). *Strukturno-tipologicheskii podkhod k sopostavitel'nomu issledovaniyu frazeologii: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk*. [Structural-typological approach to contrastive study in phraseology: Grand PhD dissertation on philology]. Kazan: KSU.
- Kovshova, M.L. (2013). *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguo-culturological Method in Phraseology: Codes of a Culture]. Moskva: LIBROKOM.
- Paducheva, E.V. (1985). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu (referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij)* [A Sentence and its Correlation with Reality (Referential Aspects of Pronouns' Semantics)]. Moskva: Nauka.
- Pyatnitskaya, N.Yu. (1987). *Universalnoye i natsionalnoye vo frazeologii: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk* [The universal and national in phraseology: Grand PhD dissertation on philology]. Saratov: SGU.
- Radbil, T.B. (2016). *Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta* [The Foundations of Studies in Language Mentality]. Moskva: Flinta; Nauka.
- Stepanov, Yu.S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture. The Experience of the Study]. Moskva: Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”.
- Teliya, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguo-culturological aspects]. Moskva: Shkola “Yazyki russkoy kul'tury”.
- Wierzbicka, A. (1997). *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. New York: Oxford University Press.

For citation:

Graneva, I. (2019) RUSSIAN AND CZECH PERSONAL AND POSSESSIVE THE 1ST AND 2ND PERSON PRONOUNS IN THE LIGHT OF CONTRASTIVE LINGUO-CULTUROLOGY // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). pp.31-36.
doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-31-36>

Для цитирования:

Гранева, И. Ю. (2019) РУССКИЕ И ЧЕШСКИЕ ЛИЧНЫЕ И ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ I И II ЛИЦА В СВЕТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. Vol 2/2 N1 (October, 2019). С. 31-36.
doi: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-31-36>

Information about the author: Graneva Irina - Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Department of the History of the Russian Language and Comparative Slavic Linguistics, Institute of Philology and Journalism National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia

e-mail: irina.graneva@mail.ru

Сведения об авторе: Гранева Ирина Юрьевна – кандидат филологических наук, руководитель Чешского центра образования и культуры, старший преподаватель кафедры истории русского языка и сравнительного славянского языкознания, Институт филологии и журналистики. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород
e-mail: irina.graneva@mail.ru

Manuscript received: 05/15/2019 Accepted for publication: 09/20/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-2-2-36-40>

NEW MEANINGS OF CATCH-PHRASES: GENERAL TENDENCIES

Elena Grigorian

Candidate of Philology, Senior Lecturer

Southern Federal University

(Rostov-on-Don, Russia)

e-mail: elena_grigorian@yahoo.co.uk

Abstract. The paper deals with general tendencies in emergence of new meanings of phraseological units and so-called winged words, or catch-phrases, Russian and Latin, especially when the initial meaning is forgotten or obscure. The examination of such cases reveals the tendency for literal interpretation, or reinterpretation of inner form involving a device analogous to folk etymology. In some cases the original meaning being alien for a present-day mind results in adaptation of the meaning to contemporary world-view and system of values. Other factors that may be relevant are reinterpretations of grammatical forms, lexical and semantic archaisms; mistakes in translations of borrowed expressions involving alternative selection of meanings of polysemous words, etc.

Keywords: winged words (catch-phrases), phraseology, inner form, reinterpretation

НОВЫЕ СМЫСЛЫ КРЫЛАТЫХ СЛОВ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Елена Григорьян

Кандидат филологических наук, доцент

Южный федеральный университет

(Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: elena_grigorian@yahoo.co.uk

Аннотация. Рассматриваются общие тенденции в развитии новых смыслов у русских и латинских крылатых слов и выражений, в первую очередь анализируются такие примеры, когда первоначальное значение оказывается полностью забытым или малоизвестным. В подобных случаях явно прослеживается тенденция к буквальному прочтению или возникает новая интерпретация образа, внутренней формы выражения, что, в свою очередь, может быть обусловлено забвением исходных контекстов; таким образом, действует механизм, аналогичный народной этимологии. В некоторых случаях существенна чуждость первоначального содержания для современного сознания, по крайней мере массового, что приводит к адаптации смысла (видимо, бессознательной) к современному миропониманию и системе ценностей; также может иметь место альтернативная интерпретация грамматических форм, лексических и семантических архаизмов, а также ошибки в переводе, связанные с выбором других значений многозначных слов, обычно в пользу более известных и употребительных, и т.д.

Ключевые слова: крылатые слова, фразеология, внутренняя форма, переосмысление